

Но тот дурак, кто от своей свечи
Из жадности соседей отлучит;
Сосед фонарь зажжет и уберется;
Что за беда, ведь свет-то остается.
Ты говоришь, что пышные уборы
Нас до греха доводят очень скоро,
И в подтвержденье этих глупых слов
Приводишь текст, и этот текст таков:
«Стыдом и скромностью горда жена.
Убор простой должна носить она:
Пусть ожерелия и кольца сбросит
И золота да не вплетает в косы».
И самый текст, и толкованье глупы
И по сердцу лишь тем мужьям, что скупы.
Ты говоришь, что я, мол, словно кошка,
Что стоит сжечь моих волос немножко,
И никогда уж не покину дом.
Дурак! дурак! Не знаешь ты о том,
Что, коль бедова и красива Мурка
И коль ее мягка, пушиста шкурка,
Она и дня с тобой не проведет,
Махнет хвостом, мяукнет и уйдет.
Спали тогда волос ее хоть горстку,
А все пушистой и блестящей шерсткой
Пойдет она по крышам красоваться,
Чтоб песни петь, с котами бесноваться.
Будь я наряднее, сквалыга старый,
И я бы хвастала своим товаром.
Седой глупец, забудь свои наказания,
Пусть сторожит сам Аргус сотнеглазый,
Коль захочу я душу отвести, -
Как и тебя, сумею оплести
Любого сторожа, любого мужа.
Пусть сторожит, да не было бы хуже.
Любовь жены приравниваешь к аду:
Мол, греческий огонь, что жжет преграды
И чем бушует жарче, тем сильней, -
Ничто пред похотью ужасной в ней;
И, как песок, она не держит воду;
Как червь, что точит твердую породу,
Так жизнь супругу пакостит жена, -
Кто был женат, тому-де мысль ясна.
Три злых напасти в жизни нашей есть,
Ты говоришь, четвертой же не снести.
Ты ненавистную жену посмел
(Да сократится дней твоих предел)
Считать одной из трех земных напастей.
Как будто нету горшего несчастья,
Чем неповинная твоя жена,
Которая всегда терпеть должна».
Так я мужей отчитывала рьяно,
Они казнились, что сболтнули спьяну.
Хоть все напраслина – всегда свидетель
Найдется, что страдает добродетель:
Племянница, иль Дженьин, иль соседки